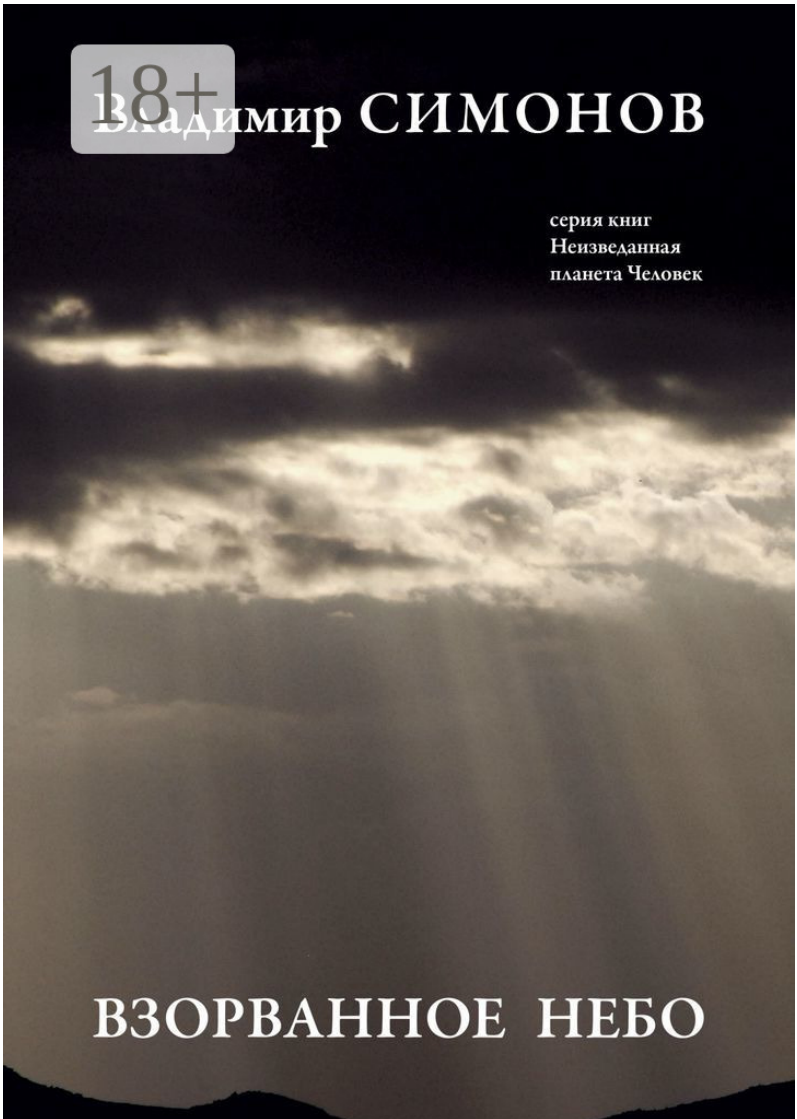
18+

Владимир СИМОНОВ

серия книг
Неизведанная
планета Человек

ВЗОРВАННОЕ НЕБО

Владимир Симонов

Взорванное небо. Серия книг «Неизведанная планета Человек»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68794392
ISBN 9785005947932

Аннотация

Роман «Взорванное небо» – о любви. 1939 год. Мирная счастливая жизнь, арест и тюрьма, преданное служение свету в условиях тьмы, побег и встреча с шаманом-женщиной, Монголия и её небо, рукотворный скит двух религий и маленькая девочка Мария, открывающая героям путь в Шабмалу… Священник Иван Денисов, с распахнутым сердцем русского человека, буддийский лама-монгол Татурсин, Чингисхан, переселенцы безвестного русского городка в Монголии… Роман «Взорванное небо» – о любви. О любви, которая бог.

Содержание

от автора, вместо Вступления 7
Часть I 9
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 22
Глава 4 26
Глава 5 29
Глава 6 32
Глава 7 39
Глава 8 44
Глава 9 47
Глава 10 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Взорванное небо
Серия книг «Неизведанная планета Человек»

Владимир Симонов

Литературный редактор Оксана Мурга
Корректор Ольга Зорина

© Владимир Симонов, 2023

ISBN 978-5-0059-4793-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

от автора, вместо Вступления

***

Бог – разве это не ты сам, когда ты Всё?
Бог – это разве не доверие голосам,
которые твой собственный Голос?
Бог – это разве не открытие известного?
Бог – это разве не проявление того, что ты знал всегда?
Бог – это разве не знакомство с самим Собой?
Бог – это разве не растворение на лугу?
Бог – это разве не Сила?
Бог – это разве не Пение?
А что такое Бог?

***

Пока ты человек – ты не можешь быть Буддой.
Пока ты не Будда – ты не Человек.

из книги «Письма о Красоте»

Часть I

Глава 1

Тяжёлые двери церкви со скрипом отворились, и в проёме неяркого утреннего света возникла фигура священника. Он перекрестился, склонив голову, потом с трудом прикрыл за собой дверь: «Не забыть бы смазать петли», – мысль была привычной. Однако как только отец Михаил, в миру Иван Денисов, переступал порог – сердце наполнялось благостью, и в следующее мгновение, направляясь к алтарю, он обычно не помнил ни о двери, ни о вчерашнем дне:

Отче Наш, который на небесах!

Мы дети Твои, и у Тебя наша отчизна.

Да святится Имя Твое.

Пусть пребудет в нас благословение к Твоей священной тайне.

Да придёт Царствие Твое, да будет Воля Твоя и на земле, как на небе.

Мы ждём, чтобы Ты воцарился во всём Своём Творении,

чтобы исполнился Твой замысел, и Ты один стал нашим Царём и Господом.

Хлеб наш насущный дай нам сегодня.

Поддержи нашу жизнь сейчас, ибо мы верим,
что о завтрашнем дне Ты позаботишься…

Слова молитвы магическим образом трансформировали окружающее, окрыляя священника. Иван Денисов испытывал подобное чувство каждое утро, не уставая вдохновляться собеседованием с Отцом Небесным.

В церкви царил полумрак: чуть слышно потрескивали свечи, где-то под полом шуршали мыши, но и тени, и звуки только дополняли тишину торжественностью реальности.

Уединение перед алтарём утверждало его сопричастность Вечности. И Иисус с распятия, и апостолы, и Мария смотрели на него с икон с надеждой и тревогой, вопрошая и требуя. Иван Денисов разговаривал с ними, получал ответы, но вопросы не касались житейских проблем – священник стеснялся спрашивать о личном. И как не хотелось сегодня поинтересоваться судьбой будущего первенца, которого они вместе с матушкой Прасковьей ждали совсем скоро, он не стал испытывать судьбу: «Бог Знает! И всё по Воле Его! Да святится Имя Твое».

Небольшая комнатка за алтарём служила отцу Михаилу одновременно и складом и конторой. Он достал книгу учёта и записал ровным красивым почерком: «Василий Требух: пять яиц, горшок молока, полпуда гречки». Чуть помедлив, любуясь работой, он поставил число, месяц и расписался. Зафиксировав вечерний взнос односельчанина, Иван Дени-

сов вытер рукавом пыль со стола, закрыл конторку и по-хозяйски осмотрел помещение церкви. В левом от алтаря углу на потолке явно расширялось пятно, и было понятно, что ремонта не избежать. Он не стал раздумывать над тем, где брать строительные материалы, решив заняться этим позже, тем более у него была предварительная договорённость с несколькими прихожанами, которые вызвались помочь и обещали привезти и известь, и кирпичи, и толь.

Мысль о неотвратимости хлопот по ремонту Храма Господнего не перекрыла торжественного и благостного настроения отца Михаила. Он зафиксировал входную дверь мощным засовом, на который повесил замок. Можно было начинать день – благословение Господа состоялось.

Семья священника из двух человек жила тут же при церкви, в небольшом домике, окружённом кустами цветов. Рядом с домом росли три высоких тополя, причудливым образом возвышаясь над всей округой. По их силуэтам и ориентировались люди, без труда различая в любое время суток на фоне бездонного неба неизвестно кем и когда посаженные высоченные деревья. Колокольня была на уровне верхушек их ветвей. Издалека казалось, что крестом была увенчана именно троица тополей, и для того, чтобы перекреститься, искали в первую очередь знакомые деревья, зная, что церковь там же.

Матушка Прасковья проснулась как обычно рано, и к возвращению отца Михаила из церкви завтрак был готов. Иван

Денисов закрыл глаза и прочёл молитву. Борода скрывала молодость священника, и ему приходилось приучать себя к степенности, чтобы не давать людям повода к снисходительности. Но дома, рядом с любимой, можно было быть самим собой, поэтому помолившись, он неожиданно рассмеялся и наклонился, целуя жену.

– Откликается? – спросил он, прикладывая ухо к животу беременной женщины. – Тихо… тихо… Благословение-то какое! Смотри, смотри, Прасковушка… Наш богатырь… Силён парень!

Толчки ребёночка, реально ощущаемые и приводящие в восторг будущего отца – не по службе, а по естеству – являли то чудо, в которое Иван Денисов верил свято и неистово. Чудо Господа! Чудо Жизни!

– Родной… А если девочка? Ну что, разве не полюбишь? – чуть слышно спросила матушка, молодая красивая женщина, возвеличенная самой природой до сана святого прозренческого материнства.

– Ну, что ты… Что ты! – успокоил её счастливый отец. – Бог знает, кого нам подарить! Как можно не принять Его Волю, родная моя?

Отец Михаил обнял и нежно поцеловал жену, после чего сел на своё место за столом. Некоторое время в чистой небольшой комнатке было тихо, и слышался только стук ложки Ивана Денисова, которой он касался тарелки, весело расправляясь с молочной гречневой кашей.

– А почему ты ничего не ешь? – вдруг с тревогой спросил он жену, увидев, что Прасковья, не отрываясь, смотрит на него без улыбки.

– Мне такой плохой сон приснился… такой плохой… И сейчас ещё не могу отойти, – печально проговорила она в ответ.

– Да глупость всё это, родная! Разве может сон рассказывать о реальности? Вот, Господи… Что за напасть? – он быстро перекрестился на икону с лампадой в углу. – Тебе нельзя думать ни о чём, что расстраивает – это плохо для ребёночка. Я рядом, Господь с нами. Что же может случиться?! Расскажи сон…

– Снится мне, как будто я большая птица… И лечу, лечу… прямо на солнце. И мне кто-то кричит, мол, тебе нельзя к солнцу, спалишь и себя и ребёночка. А я, радостная, не слушаю и всё лечу, лечу… Вдруг прямо в сердце мне вонзился солнечный луч, и я увидела, как осыпаются пёрышки с моих крыльев… И начинаю падать… Страшно, но ничего поделать не могу… Кричу, зову на помощь… Но только открываю рот, а произнести что-либо не получается. И знаю во сне, что мне надо докричаться до тебя, дать знак, чтобы услышал, потому что если услышишь, то и спасена буду… И вдруг вижу, как ты или не ты – как будто чужой, незнакомый… рубишь дерево… Молча, угрюмо… И чувствую, что если дерево упадёт, то тебя раздавит… Я ещё сильнее пытаюсь закричать… Но ни звука. Дерево медленно наклоняется

и падает… Больше я ничего не увидела, потому что проснулась в ужасе. До сих пор чувствую этот страх.

– Глупенькая, хороший сон! Венчающий нас с Вечностью. Ещё бы, такое чудо ждём – рождение человечка. И всё новое, необыкновенное! Поэтому и приходит страхом. Однако человеку нечего бояться, потому что мы дети Божьи и любимы Отцом нашим Небесным безмерно. Отсюда и благословение, и радость жизни. Ничего не бойся, родная Прасковушка, ничего. Бог спасёт нас, потому что знает, как я люблю Его, как преданно служу Ему, как жизни своей не пожалею ради Него, Господа Моего! – отец Михаил, устремляясь в молитве к лику Богоматери на иконе, склонился в низком поклоне.

Ивану Денисову было всего тридцать семь лет. Он искренне верил, что все беды обойдут его дом, и прогонял неприятные мысли, находя утешение рядом с любимой.

– Хочешь, покажу тебе, что я вышила? – Прасковья взволнованно открыла крышку комода, который, словно часовой стабильности и вечности, надёжно стоял в углу комнаты. Она достала небольшое покрывало с одеяльцем, какие-то малюсенькие одёжки, и разложила перед Иваном Денисовым.

Он смущённо разглядывал нехитрое богатство, подготовленное для будущего ребёнка золотыми руками любимой. Немыслимо крохотный размер чудесных рукоделий привёл его в умилённое состояние:

– Боже, матушка, какое же чудо нас ждёт! Ребёночек принесёт нам счастье и радость! Родится мальчик – подготовлю

его в духовную семинарию, если девочка – будет такая же красивая и смышлёная, как ты! – со слезами на глазах обратился он к любимой женщине.

Отец Михаил трепетно поцеловал её в обе щеки, и Прасковья смутилась, как девчонка. Они долго стояли, прижавшись друг к другу.

Этот момент Иван Денисов запомнил навсегда. И позже, когда вспоминал бессонными ночами жизнь свою, именно минута их объятий являла ему реальность неповторимого счастья. И самым большим потрясением было дальнейшее осознание короткого шага, разделяющего вдохновительное единство с миром и бездонную пропасть одиночества… Но тем утром они с женой безмолвно наслаждались близостью, и сердца их переполнялись радостью. Рождение малыша воспринималось как благословение Господа, как ценный подарок Его.

Глава 2

Татурсин проснулся рано. Некоторое время он лежал, не открывая глаз, пытаясь продолжить блаженство ночи, понимая, однако, что подъём – такая же неотвратимость, как восход солнца… Вспомнив о светиле, молодой монах резко открыл глаза, моментально наполнившись предчувствием чуда – ему предстояло долгожданное посвящение, которое он должен был пройти под покровительством Учителя Ласарэна. Рядом на ковре, возле спального ложа, были разложены атрибуты, необходимые для светлого собеседования. Татурсин умылся водой из кувшина и приступил к облачению в специальные одежды.

Монгольский буддийский монастырь располагался на склоне горы. Маленькие домики-обители монахов, точно лучи солнца, расходились от центральных строений, где хранились сутры, молились и проводили различные обряды. Окружённый соснами и елями, весь монастырский комплекс был естественным продолжением природы – неба, небольшого озера с питьевой водой, гор и деревьев на склонах. Монахами из поколения в поколение поддерживалось таинство связи всего живого, и глубина прозрения утверждалась качеством растворения в единстве мира.

Откликаясь на приветствие Татурсина и принимая кнадак, Учитель Ласарэн – настоятель монастыря – пригласил

молодого монаха присесть рядом с собой.

– Как ты спал? – приветливо поинтересовался он.

– Как младенец, без сновидений, – почтительно склонив голову, ответил Татурсин.

– Прекрасно! Значит, ты пуст и готов принять обет служения Будде. Не так ли, дорогой?

– Учитель, с радостью приму ваше благословение! – торжественно ответил монах.

– Знаю, что Сила проснулась в тебе, – продолжал Ласарэн. – И важно показать направление на Путь служения Будде. Есть ли у тебя вопрос, ответ на который облегчил бы восхождение?

– Да, Учитель. Я не понимаю необходимости сосуществования на земле Светлого Будды и грязных убийц. Зачем, Любимый Учитель, человечество мучительно ищет Свет, когда Будда много лет назад обрёл его и рассказал всем о путях просветления?

Учитель Ласарэн внимательно рассматривал молодого монаха, перебирая чётки. Затем он закрыл глаза, раскачиваясь из стороны в сторону. Татурсин преполнялся благостью принятия истины. Собеседование с Учителем всегда приносило глоток запредельной чистоты тона, и он не знал большего блаженства, чем внимать тихим, но полным глубочайшего смысла словам Мастера.

– Ты принимаешь обет безбрачия, не так ли? – неожиданно спросил Ласарэн.

– Да, Учитель, – смиренно ответил монах.

– Ты полностью осознаёшь ответственность решения?

– Да, Учитель! Я принадлежу Просветлённому Будде, и мне больше никто не нужен!

– Могу только приветствовать такую решимость. Жизнь без женщин полна испытания плотью, но я чувствую твою силу и верю в тебя!

Учитель помедлил и продолжил:

– Ты спрашиваешь о справедливости? Но человеческая справедливость и истина Будды не могут сосуществовать вместе. Или, или! Если справедливость – нет Будды. Когда Будда – невозможно говорить о справедливости. Сила трансформации посвящённого открывает доступ к неисчерпаемым источникам энергии, вполне достаточным, чтобы уничтожить Землю или осушить океан, вызвать землетрясения или призвать на помощь другие стихии… Почему же тогда ни одному посвящённому не приходит в голову искать справедливости? Да и величайший Учитель Учителей – Светлейший Будда – никогда не говорил об этом. Не знаешь, почему?

– Нет, не знаю, – тихо ответил Татурсин, жадно ловя каждое слово Ласарэна.

– Обретение Силы не связано с потребностью достижения справедливости. Каким бы просветлённым ни был человек, он не может соревноваться с Искренностью Первоистока Жизни, из которого все и всё, где и заложен ход времён, откуда управляются и звёзды, и светила… Человече-

ская жизнь – миг на весах космоса! И любые трагедии – всего лишь повод для достижения независимости от суеты, Любимый Татурсин. Те или иные мнимые невзгоды ведут в конечном итоге к Любви, позволяя осознанно принимать испытания, шлифуя тишину Сердца.

Сила Будды настолько глобальна, что посвящённому не составит особого труда остановить любую причину, предотвращая следствие. Ему подвластна власть над животными и камнями, над деревьями и облаками… Но однажды ты поймёшь, что не имеешь права ради пустой забавы использовать силу осознанного. А утверждение справедливости в рамках ограниченного человеческого кругозора и является одной из таких бессмыслиц.

Будда никогда не вмешивается в процессы, но наблюдает их. Растворение в энергиях Причин возносит в бессмертие. Будда не может умереть, если он Будда. И трансформация, определяемая людьми как смерть, лишь особый и совершенный способ передачи знания Ученикам о Любви, о Перспективе, о Жизни. Учитель, осознанно исполнивший на глазах Учеников обряд оставления тела, получает право завершить земные воплощения, поскольку он избежал искушения сопротивляться неизбежному, необходимому. Но знаешь, что требует ещё большего мужества?

Татурсин отрицательно покачал головой:

– Нет, Учитель, не знаю.

– Не потерять Любовь к тому, кто уничтожает тебя.

Учитель Ласарэн замолчал. Он вслушивался в одному ему ведомые звуки, пытаясь рассмотреть важные знаки Существования. Ему это удалось, но он не в праве был перегружать неясными предчувствиями своего любимого Ученика:

– Чувствую глобальные испытания, которые выпадают нашему монастырю, всем нам. И ты, знаю, выдержишь. Я верю в тебя, Татурсин. Но помни: самое важное – не потерять Любовь к тем, кто тебя унижает. Потому что истинная Любовь не имеет связи с логикой человеческого поведения, но только истинная Любовь ведёт в Шамбалу.

– В Шамбалу?! – восхищённо переспросил Ученик.

– Да, Любимый, в Шамбалу! И тот, кто открывает Любовь в Сердце, рано или поздно Приходит. Шамбала – это врата, связывающие Землю с Небесами. И те, кому доверяется счастливая Встреча, становятся Буддами, растворяясь в потоках энергии Шамбалы.

– Учитель! Неужели и я смогу когда-нибудь прикоснуться к священному порогу Шамбалы?

– Зависит только от тебя, дорогой Татурсин. Но ты монгол, лама – значит, избранный! Тогда кто, если не ты?

Ласарэн закрыл глаза. Ученик боялся шевельнуться, чтобы не вспугнуть тишину. Татурсину казалось, что прошла вечность, прежде чем Учитель вдруг закончил:

– Видел чёрное облако, которое окутывает наш дом. Слышал карканье ворон, жаждущих крови. И восхищённо замирало сердце, когда ты, мой Любимый Ученик, преодолев сте-

ну темноты, направился на сияние Шамбалы. И сопровождал тебя верный помощник – Светлый Ангел, на шее у которого успел рассмотреть золотой крест…

Глава 3

Первые лучи солнца позолотили верхушки тополей. Пустынные улицы были полны тайны. Город спал. Кому-то снились кошмары, кто-то задыхался от любви. Но и тем и другим очевидна была неизбежность неизведанного, связанная с реальностью предстоящего дня.

Иван Денисов заснул поздно, и сейчас, словно ребёнок, крепко спал в объятиях Прасковьи. Согласие и любовь были синхронны чудесному утру.

Вдруг умиротворённость рассветного часа нарушилась урчаньем автомобиля. Послышались мужские голоса. Через мгновенье властный стук в дверь уничтожил гармонию тишины, и каким-то необъяснимым женским предчувствием внезапно проснувшаяся Прасковья приняла сигнал тревоги.

Потягиваясь, полусонный отец Михаил направился к двери и доброжелательно спросил:

– Кто там? Что ни свет ни заря, родные? Неужто до утра невтерпёж?

Он ещё что-то бормотал, приветливо распахивая дверь. На ступенях стояло четверо мужчин в кожаных куртках:

– Гражданин Денисов – вы будете?

– Да, я, – продолжая непроизвольно улыбаться, ответил добродушно Иван Денисов.

– Именем данной нам власти вы арестованы!

Двое молодых парней ловко заломили ему руки, а третий проворно обыскал, похлопывая по бокам.

– Чисто! – звонким радостным голосом сообщил он четвёртому, по-видимому, главному, который не переступая порога курил папиросу.

– Ну и ладушки… Гражданин поп, время твоё кончилось. Быстро одевайся и открывай свою богадельню! Времени нет! И если ты, вражья башка, вздумаешь шалить – уложу на месте. У меня приказ: стрелять без предупреждения!

– Что случилось, Иван? – спросила испуганно Прасковья, когда отец Михаил появился в спальне в сопровождении двух дюжих охранников.

– Ты только не волнуйся, Прасковушка! Какое-то недоразумение. Думаю, всё образумится, вот только разберутся, что ошиблись. Господь с нами, родная. Ты не волнуйся, нет причин!

– Ты, поп, вообще с ума спятил на дармовых харчах, – со злорадной ухмылкой вдруг проговорил один из конвоиров. – Кровопийца проклятый на шее трудового народа! Как же, «разберутся»… Уже разобрались! Поэтому мы и здесь. Не видать тебе света белого на долгое время. И не пытайся передавать секреты через свою дуру-бабу. Молчать!

Не глядя на жену, Иван Денисов надел штаны, рубаху и сверху – рясу.

– Нет, попяра, это тебе ни к чему. Хватит людей пугать! –

охранник с ненавистью схватил рясу и одним рывком разорвал её.

Прасковья от неожиданности вскрикнула, прижимая край одеяла к подбородку. Отец Михаил побледнел.

– Что вы там мешкаете? – донеслось из соседней комнаты.

– Да вот, гражданин поп никак не простится со своей бабой…

– Так чего ты смотришь? На танцы приехал, что ли?

– Сиди тихо! – скомандовал рослый охранник Прасковье. – Пошли, гражданин… Не забудь ключи от своего липового бога! У нас ещё есть к нему несколько вопросов…

Когда Прасковья, быстро одевшись, подбежала к распахнутым настежь дверям церкви, то увидела, что иконы алтаря сорваны и сброшены в кучу. Двое пришельцев пытались сломать распятие, но деревянный Христос каким-то чудом сопротивлялся. Однако и он в конце концов не выдержал, когда на подмогу пришёл сам начальник. Вместе с иконами распятие загорелось в середине зала. Помещение храма наполнилось дымом и копотью.

– Видишь, сколько черноты имеет твой бог?! – насмешливо обратился главный здоровяк к Ивану Денисову.

Прасковья с диким воем кинулась к мужу, который отрешённо сидел у стены. Лицо его было разбито, из носа хлестала кровь, сумасшедшие глаза полыхали диким огнём. Он молился, быстро проговаривая слова. Прасковья прижала его к себе, но сильные руки тотчас отшвырнули её.

– Не шали, баба! – Начальник достал пистолет и пригрозил женщине. – Гражданин поп арестован, и разговаривать с ним не положено. Не то…

Но Прасковья не слышала угроз. Единственное управляло ею – Ивану Денисову плохо и ему нужна помощь. Она поднялась с колен, выпрямилась и внезапно оказалась возле любимого, заключив его в объятия. Стремительность женщины смутила охрану, но лишь на мгновение. В следующую минуту трое здоровых мужиков снова отбросили её. Прасковья опять резко направилась к отцу Михаилу. Прогремел выстрел…

Женщина удивлённо посмотрела на кровавое пятно в районе сердца, протянула руки навстречу мужу и упала замертво.

Дикий крик потряс своды церкви. Иван Денисов ударил охранника, и от неожиданности тот выпустил его. Отец Михаил наклонился над телом жены и закричал второй раз.

Его ударили кулаком по голове и, потерявшего сознание, бросили в кузов грузовой машины.

Глава 4

По пустынной монгольской дороге, соединяющей монотонные холмы, двигалось несколько грузовых машин с военными монголами. В кабине одной из них весёлый лейтенант рассказывал молодому водителю анекдот и, не ожидая реакции, первым и хохотал. В кузовах грузовиков лениво дремали вооружённые солдаты.

Вдруг движение автомобилям перегородил небольшой караван. Важно ступая, верблюды пренебрежительно, не обращая внимания на окружающий мир, шествовали друг за другом. Лейтенант, не выдержав, поторопил погонщиков. Серые от пыли и зноя монголы, сопровождающие верблюдов, приветливо помахали солдатам, не предпринимая ни малейших усилий, чтобы освободить путь машинам. Офицер выскочил из кабины, на ходу расстёгивая кобуру:

– Шлёпну сейчас как врагов народа, тогда поулыбаетесь!

– Начальник, почему нервничаешь? – не теряя самообладания, спросил у лейтенанта один из седоков.

– Ты издеваешься, скотина? У меня задание государственной важности, а ты препятствовать? Имею приказ стрелять в случае неповиновения! – Резкий звук выстрела взорвал тишину.

Первыми испугались животные, затем и погонщики стали хлестать верблюдов, чтобы убрать с дороги караван.

– То-то же! Совсем распустились! – ворчливо заключил довольный военный и, улюлюкая, выстрелил ещё несколько раз в воздух.

Животные рысью устремились прочь от опасности. Очнувшиеся от дрёмы, солдаты засмеялись, показывая пальцами на бегущих верблюдов.

– А не продегустировать ли нам местный кумыс, как думаете? – обращаясь к подчинённым, риторически спросил лейтенант, озвучивая собственное желание, заметив невдалеке несколько белоснежных юрт.

Группа монголов доброжелательно приветствовала военные машины, свернувшие с дороги и направляющиеся в сторону их стойбища. Склонив голову в знак уважения, офицер почтительно поздоровался с хозяином, который пригласил его зайти в юрту.

Женщины вынесли ведро кумыса солдатам, которые по очереди утолили жажду. Девушка с улыбкой разглядывала молодых ребят в военной форме.

– Как тебя зовут? – вдруг спросил один из них.

– Танга. А зачем тебе имя?

– Через три дня увольняюсь в запас. Закончу службу и вернусь за тобой. Будешь мне женой?

Все вокруг засмеялись. Не сдержалась и девушка, только парень оставался серьёзным:

– Так что, согласна?

– Ты дослужи сначала. Когда вернёшься, тогда и поговорим! – продолжая улыбаться, ответила Танга.

Лейтенант и глава семейства степенно беседовали в юрте:

– Как думаешь, зима суровой будет?

– Думаю, да… Солнце резко садится, и закаты огненные. Недавно здесь проходили монахи из монастыря, так они передавали слова настоятеля о бедах, которые надвигаются.

Офицер насторожился. Потом решительно отодвинул чашку и поклонился:

– Спасибо за кумыс, пусть тебе сопутствует удача. Впрочем, как и мне.

Выйдя из юрты, он резко закричал:

– По машинам!

Солдаты заняли свои места. Один из них помахал Танге:

– Я скоро вернусь! Жди! Меня зовут Идэ! Запомни: Идэ!

Глава 5

Неожиданно за одним из поворотов открылся вид на монастырь. Первая машина остановилась, за ней остальные. Лейтенант выпрыгнул из кабины, достал бинокль и настороженно осмотрел окрестности. Через несколько минут он успокоился: первозданную тишину нарушал лишь ветер в лапах елей да чириканье птиц. Монастырь излучал покой и мир, являясь гранью красоты окружающего пейзажа.

Офицер, тем не менее, предупредил солдат:

– Будьте внимательны, возможны провокации! Без моей команды не стрелять, но быть начеку. Мы не знаем, что нас ждёт. Смотреть в оба!

Въехав на территорию монастыря, машины развернулись и стали в линию. Пересчитав солдат, офицер возглавил небольшой отряд и направился с ним к главному зданию.

Он рывком открыл дверь и, достав пистолет из кобуры, решительно шагнул внутрь. Монахи читали мантры, но при появлении военных пение мгновенно прекратилось.

– Граждане монахи, ваш монастырь закрывается! Солдаты вооружены, поэтому без фокусов: всем выходить и строиться! Где настоятель? – обратился лейтенант к одному из монахов, которым оказался Татурсин.

– Учитель медитирует у себя.

– Пойдём, покажешь мне! Сержант Идэ, всех связать

и распределить по машинам! Дальше знаешь, что делать!

Лейтенант и Татурсин подошли к келье Ласарэна. Монах почтительно склонил голову, совершая обряд приветствия. Офицер оттолкнул его и, войдя в жилище, грозно обратился к настоятелю:

– Гражданин монах, ваш монастырь решением правительства ликвидируется. Вам необходимо пройти со мной.

Учитель Ласарэн, казалось, не слышал слов военного. Он не открывал глаз и, раскачиваясь, продолжал распевать мантру.

Офицер выругался и выстрелил вверх.

Связанные монахи замерли, вместе с солдатами повернув головы в сторону кельи настоятеля. Татурсин за дверью перед входом упал на колени и стал неистово молиться.

Учитель Ласарэн открыл глаза и спокойно спросил у лейтенанта:

– Ты знаешь, зачем пришёл? Делай своё дело и не мешай исполнять мою Работу, – он опять закрыл глаза и попытался продолжить медитацию.

– Именем Монголии ты арестован!

– О, дорогой! У Монголии нет имени, которым она может арестовывать кого бы то ни было, – неожиданно рассмеялся настоятель. – Есть голубое небо, есть бескрайность светлых просторов одна на всех, и есть Будда, которого арестовать невозможно. И эти три луча перспективы Монголии сходятся здесь, в монастыре. Что ты собираешься ликвидировать –

землю, которая тебя родила и кормит? Ты в своём уме, солдат?

– Ты мне зубы не заговаривай! Выходи!

Настоятель упрямо покачал головой, не принимая приказа. Офицер растерялся. Видно было, что неповиновение монаха застало его врасплох, но нерешительность длилась лишь мгновение:

– Ну что ж, сам выбрал свою долю!

– Ты тоже, – тихо, но отчётливо выговаривая слова, ответил Учитель Ласарэн. Он закрыл глаза и продолжил прерванную незваным гостем медитацию.

Солдаты обходили кельи монахов и обливали их бензином. Лейтенант лично вылил содержимое канистры на стены обители настоятеля:

– Последний раз предупреждаю: выходи!

До слуха Татурсина донеслись слова мантры Учителя. Ученик подхватил молитву. Монахи, стоявшие связанными друг с другом в кузовах автомобилей, вслед за Татурсином начали повторять заклинание.

Одна за другой запылали кельи монахов, последним подожгли жилище настоятеля…

Старый монгол с тревогой вглядывался в сторону зарева на горизонте. Мимо его стойбища проехали машины с монахами. Солдат Идэ приветственно помахал рукой Танге, но девушка ответила ненавидящим взглядом.

Глава 6

В тесной тюремной камере несколько арестантов-уголовников играли в карты. Иван Денисов лежал спиной к проходу, безучастно рассматривая треснутую штукатурку. Лицо его было изуродовано шрамами. Изнурительные ночные допросы сломали волю. Происшедшие перемены запечатлелись глубоким безразличием в глазах. Единственное желание полностью подчинило себе – жажда смерти. Он перестал молиться, и в страшные минуты пробуждения после встреч со следователями, когда избитое тело давало знать о себе со страшной болью, как заклинание повторял только одно:

– Господи! Спаси и помилуй, Господи! Спаси и помилуй, Господи!

Другие арестанты смеялись над его причитаниями:

– Конечно, так он тебя и спасёт! Держи карман шире, поп! Не дождёшься! Да и чем ты лучше других?! Мы хоть деньги можем ему предложить или девочку, а ты, шпана поднебесная, кроме портков рваных, что можешь дать?

Священник не слушал и был тотально поглощён своим:

– Господи, спаси и помилуй! Господи, спаси и помилуй!

– Посмотрите, ну чистый придурок, что с него возьмёшь?

Однажды ему приснилась Прасковья. Она протягивала руки навстречу, а он пытался прикоснуться к её пальцам, но ничего не получалось. Потом вдруг любимая показалась

Ивану с ребёнком на руках, и он спросил: «Кто это? Мальчик или девочка?» Но Прасковья прижималась щекой к малышу и не отвечала. Заплаканный Денисов долго лежал с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить прошлую жизнь. Как красочные страницы иллюстрированной книги, проносились перед взором счастливые дни любви и радости. Однако на допросе тогда его избили как никогда свирепо, и пришло понимание простой истины – чем дальше держать взаперти светлые воспоминания, тем легче адаптироваться к страшной реальности.

Уголовники, с которыми он делил пространство тюремной камеры, пытались насмехаться над его саном, но Иван Денисов отнёсся к похабным шуткам с таким безучастием, что интерес к нему пропал. Сокамерники заключили пари на предмет «дотянет поп до суда или помрёт раньше». Иван Денисов после побоев на допросах сквозь забытьё иногда слышал какую-то возню возле себя, но уже не реагировал. Жизнь медленно угасала в нём. И знал он точно: после убийства Прасковьи делать ему на Земле больше нечего. Он и молиться перестал, понимая, насколько кощунственна для сана священника сама мысль о добровольном уходе. Иван Денисов и не собирался торопить смерть: шлагбаум был открыт, и оставалось чуть-чуть потерпеть, чтобы всё случилось естественно: «Господи! Господи! Помилуй и прости, Господи! Помилуй и прости, Господи!»

…Дверь в камеру со скрипом отворилась, и два дюжих

надзирателя внесли кажущееся безжизненным тело нового заключённого:

– Принимайте монаха! – скалясь и показывая гнилые зубы, сказал один из них.

– Куда, начальник?! У нас и так переполнено! Подожди, пока поп окочурится, тогда и уплотняй!

– Тебя не спросили, шваль подколодная! – надзиратели зло выругались и, по очереди пнув ногой выступающего за «справедливость» молодого вора, вышли.

Тяжёлая дверь закрылась. Вокруг новенького собрались арестанты. Все, за исключением Ивана Денисова, продолжающего пребывать в полудрёме, рассматривали нового избитого сокамерника:

– Ты смотри, казах какой-то… Глянь, глазки узенькие, как прорези. Наверное, материала не хватило у родителей, когда делали ребёнка, – камера разразилась хохотом.

– А руки-то, смотри, холёные, как и у нашего попа… Видать, тоже тунеядец! Не любит работать! А может быть, вор, из наших?

– Так ты слышал, что сказали – монах он.

– Вот те на! А что это такое? Шпана, кто это – монахи?

– Да толстые такие, сытые, и народ обворовывают!

– Так этот вроде бы не толстый! А, понятно, молодой ещё, пузо не успел отрастить…

Довольные собой арестанты вернулись к своим занятиям.

Спустя некоторое время, в забытьи, новенький вдруг стал

говорить что-то, восклицая не на русском языке. Несколько раз он чётко произнёс слово «Будда». Иван Денисов, очнувшись, повернулся лицом к проходу. Новенький опять замолчал. Тело его было покрыто многочисленными ссадинами, лицо заплыло от синяков, из раны на лбу сочилась кровь.

– Что смотришь? Помоги товарищу! Он тоже, как и ты, поп.

Кто-то поправил:

– Не поп, а монах!

– Да какая разница! Всё одно – опухоль на шее трудового народа…

Иван Денисов с трудом затащил новичка на свободные нары, расположенные рядом со своими. Оторвав рукав нательной рубахи, намочил тряпку в воде и стал смывать кровь с лица незнакомца. Он не знал, зачем помогает арестанту, в тюрьме подобное поведение было не принято. Тем не менее, он вначале тщательно вытер запёкшуюся кровь на висках, на подбородке, потом попытался напоить водой беднягу, так и не приходящего в сознание. Иван Денисов аккуратно, стараясь не причинять боли, успел укрыть нового друга, как его вызвали на очередной допрос…

Он очнулся от прикосновения влажной тряпки к лицу – уверенной рукой кто-то старался облегчить его страдания. Ошеломлённый Иван Денисов встретил взглядом незнакомые раскосые глаза, которые смотрели на него без улыбки, спокойно и с достоинством. Священник попробовал сесть,

но сильная боль тотчас ударила в грудь, и Иван Денисов без чувств повалился на лежанку.

Когда он окончательно ожил, то обнаружил на этот раз, что заботливо укрыт одеялом, а под головой у него самодельная подушка из другого одеяла, сложенного в несколько раз. У священника не было ни сил, ни особого желания разбираться с ситуацией. Пришла мысль, что сделан ещё один шаг в направлении к долгожданной смерти. Иван Денисов беззвучно засмеялся, тотчас закашлявшись.

– Как ты, друг? – услышал он странный шёпот возле себя.

В то же мгновение в полумраке единственной лампочки он разглядел арестанта-азиата.

– Спасибо, лучше. А ты? – машинально произнёс Иван Денисов.

– Тебе спасибо! Хорошо, совсем хорошо! – новичок говорил со странным акцентом, обрывая не по-русски фразы и задумываясь, будто вспоминая слова. Интонация произношения выдавала в нём русский как неродной язык. – Я монгол, буддийский монах. Имя моё Татурсин! А как тебя зовут? Я узнал, что ты священник, это правда?

– Иван Денисов, – представился священник, кротко кивнув головой.

– Как мне повезло, что я встретил тебя здесь! – жизнерадостно заговорил монах. Фразы на русском давались ему с трудом, но Иван легко понимал всё, о чём спешил поведать молодой монгол. – А ты давно здесь? – продолжал расспра-

шивать новенький.

– Седьмой месяц, – сообщил Иван Денисов.

Ему казалось, что он провёл в застенках вечность. Но сегодня на допросе, случайно увидев на столе следователя календарь, был ошарашен тем, что прошло всего семь месяцев с тех пор, как он потерял всё. Вспомнив сейчас об этом, Иван повернулся к стене и горько заплакал.

– Ну что ты, что ты? Не расстраивайся! Нас двое, с нами наши боги – чего бояться? – стал успокаивать его Татурсин.

Иван Денисов повернулся к монаху и ошалело, сквозь слёзы, уставился на него. Нет, насмешки на лице не было – глаза новенького смотрели серьёзно и доброжелательно. Как ни в чём не бывало Татурсин продолжал шёпотом: – Я не просто монах, я лама! Мой Учитель Ласарэн говорил, что мне дана большая сила, что я найду Шамбалу! – глаза Татурсина светились незнакомым светом.

От него исходил такой мощный поток силы, что Иван Денисов почувствовал, как вдохновение буквально вливается в него. Он вспомнил, что подобное случалось с ним только во время утренних молитв, когда он оставался один на один с Богом перед алтарём храма:

– Господи, я знал, что Ты меня не покинешь! Господи, я знал, что испытывался на Твою Любовь! Прости меня, Господи, недостойного и грешного!

Татурсин с интересом наблюдал за священником. Потом сел на нары, скрестив ноги, и раскачиваясь, стал что-то без-

звучно проговаривать. Пришло время удивляться Ивану Денисову: ему никогда раньше не приходилось видеть священнодействие буддиста. Он закрыл глаза и, встав на колени, стал молиться, впервые за долгие дни заключения.

Радость пронзила его! Торжественность наполнила сердце священным трепетом! Слова молитвы вызвали слёзы, но священник не стеснялся на этот раз своей слабости. Он знал, что эти слёзы – знак возвращения к жизни.

Глава 7

Прошло несколько дней. Перемены были разительными. Нет, допросы не прекратились, и следователи по-прежнему настойчиво пытались узнать у священника о «сообщниках по организации антисоветской пропаганды», адреса «явок и тайников» обмена информации с «агентами западных разведок». Однако сам Иван Денисов стал по-иному относиться ко всему этому маскараду понятий: он ходил на допросы как на вынужденную работу, в то время как сердцем оставался в камере.

Беседы с монахом настолько интриговали священника, что остальные детали тюремной реальности отступили на второй план. Увидев его удивительную расслабленность, и следователи волей-неволей укротили давление на допросах. По крайней мере, избиения прекратились, а Иван Денисов, в свою очередь, с лёгкостью подписывал протоколы, которые клали перед ним.

Монгола же вообще никуда не вызывали, потому что ждали, как объяснил Татурсин, переводчика с монгольского на русский. Похоже, что монах был «агентом японской разведки», но допрашивать его было абсолютно бессмысленным занятием, потому что он заведомо со всем соглашался, весело улыбаясь в ответ на любые вопросы. Тем не менее, и Татурсин прямо в камере легко подписал какие-то бума-

ги, освобождаясь от изнурительных и бессмысленных бесед со «славными», как он говорил, «но необразованными мирянами: не христианами и не буддистами, что с них взять?»

Сокамерники были заметно раздражены происшедшими с Иваном Денисовым изменениями. Они злобно реагировали на их с монахом задушевные беседы и, не понимая смысла доносившихся слов, медленно накалялись. В результате сложившихся обстоятельств появилась возможность проучить «попов».

Однажды, когда Иван Денисов увлечённо рассказывал Татурсину о смысле Любви в христианстве и, отвечая на возражения монаха, цитировал «Откровение от Иоанна», над ними нависла фигура сокамерника – бугая по кличке Бык. Он вначале ехидно поинтересовался: не брали ли «братья попы» его плакат и, обнаружив, что на обратной стороне «любимого и дорогого» изображения отца народов Иван Денисов нарисовал распятие Христа, не на шутку разозлился, и глаза его налились кровью:

– Ну, что ж, попик, выходи… Сейчас получишь у меня по полной!

От неожиданности священник растерялся: он не заметил, как у него в руках оказался треклятый плакат, да и рисовал он спешно, поддерживая глубину разговора о своих святынях. В одно мгновение пришло понимание, что противостоять дурной силе невозможно. Приготовившись к неизбежному, он поднялся, умышленно замедляя движения, чтобы по-

тянуть время, поправил одеяло на нарах и взглянул на Татурсина. Он успел заметить, как монах вначале чуть слышно, потом в полный голос, вдруг стал произносить слова на монгольском языке, при этом лицо его раскраснелось, грудь поднималась и опускалась, как при глубоком дыхании.

Вокруг центра камеры, в предвкушении лёгкой для Быка победы, столпились уголовники, крича и подначивая недобро улыбающегося верзилу, способного одним ударом кулака сломать шею сопернику:

– Давай, Бык, проучи этого попика! Умирать он передумал и выигрыш мой похерил! Рассчитайся с ним… А потом и я добавлю! – гнусавым голосом выкрикивал угрозы Царь – тщедушный уголовник, получивший пять лет за воровство.

– Шпана, ставлю на первый удар Чемпиона! – перекрывая шум, провозгласил крепкий низкорослый бандит по кличке Дрель.

– Нет-нет, не согласная я, – пытаясь перекричать, загундосил Царь. – Не надо с первого удара, дайте полюбоваться кровушкой человеческой… Ты, Бык, потяни удовольствие, потяни… По частям его разделай, святошу нашего…

Бугай сидел за «неосторожное убийство» и в окружении вдохновлённых зрителей ощущал себя как на арене:

– А ну, иди сюда, придурок!

Иван Денисов молча помолился и приготовился сделать шаг на эшафот, но его опередили…

Внезапно в середину камеры влетел раскрасневшийся

монгол. Он прокрутился на одном месте, словно очерчивая невидимую границу, и громким внятным голосом выкрикнул несколько воинственных слов по-монгольски. Затем, продолжая вращаться, мелко перебирая ногами, он тихо, но внятно добавил по-русски:

– Тот, кто перешагнёт эту линию, будет умерщвлён. Это я вам говорю – лама Татурсин!

В камере воцарилась абсолютная тишина – настолько неожиданным для всех было явление монаха в центре внимания, который, делая пассы руками и ногами, возводил какую-то защиту вокруг себя и своего друга священника:

– Первый, кто переступит! И остальные будут убиты тотчас! – продолжал он вещать уверенным голосом.

Вдруг к всеобщему удивлению Бык покачнулся и рухнул на пол без сознания. Его никто не успел подхватить, да и невозможно было бы справиться с весом его мощного тела. Он упал на спину, закатив глаза, изо рта выступила пена.

Монах продолжал кружиться, скользя вдоль онемевших сокамерников, оторопело уставившихся на нелепо раскинувшегося на полу бугая. Подняв глаза на монгола, толпа медленно стала пятиться.

Татурсин прекратил вращение:

– Впредь ко мне и священнику не приближаться. Тому, кто нарушит запрет – смерть в течение секунды.

Он поклонился, сложа руки перед грудью, и вернулся на своё место.

Иван Денисов был потрясён не менее других, и как другие, был уверен во всесильности монаха. Священник тяжело дышал, не веря своему спасению. Когда к нему вернулся здравый рассудок, осознав, что громила умирает, он бросился к крану, набрал пригоршню воды и брызнул на лицо амбала. Он не видел в нём врага, но знал о необходимости сострадания ближнему. На пятый раз Бык вздрогнул и открыл глаза, в недоумении обводя камеру взглядом. Иван Денисов помог ему подняться и проводил к нарам, где уложил, предварительно расправив складки одеяла.

С этого момента монаху и священнику была предоставлена полная свобода: все опускали глаза, стараясь не попадаться лишний раз на пути у монгола. Монах Татурсин приветливо улыбался, показывая ровные белые зубы. Однако стоило кому-нибудь из сокамерников направиться в их сторону, как он медленно качал головой, останавливая любые попытки общения.

Через три дня ни с того ни с сего во сне умер Царь. Священник отпел покойного. Лама Татурсин нагнал на всех уголовников дополнительный ужас каким-то необыкновенным горловым пением. Чертыхаясь, надзиратели вынесли тело при гробовом молчании арестантов.

Глава 8

Однажды утром, проснувшись, Иван Денисов обнаружил ламу в возбуждённом состоянии. Казалось, что Татурсин не спал вовсе: он сидел на нарах, раскачиваясь и сконцентрировавшись на точке противоположной стены.

– Что случилось, дорогой друг? – участливо поинтересовался священник, потягиваясь.

– Случилось! – задумчиво ответил Татурсин, в одно мгновение отрезвляя Ивана Денисова.

Понимая важность вести, священник не стал расспрашивать ламу, но решил дождаться минуты, когда тот сам захочет открыть тайну.

Прошло около получаса, Иван Денисов терпеливо ждал. Он помолился, растворяя напряжение в сердце. Они в молчании позавтракали скудной тюремной порцией каши. И наконец, после того, как выпили чай, мало чем отличающийся от простой воды, Татурсин, понизив голос до шёпота, поделился с Иваном видением, пришедшим к нему во сне:

– Мне показали Гоби – пустыню моей любимой Монголии. Потом увидел беркута высоко в небе, в прекрасном синем небе родины… Река текла, горная, течением бурным и неукротимым… Маленький дом, вокруг которого паслись несколько лошадей, охраняемые собакой. Из трубы дома вился дым – жилище явно было обитаемым. Вдруг я уви-

дел маленькую девочку, которая бесстрашно неслась по холмам на белом скакуне… И радуга на весь горизонт! Во сне ко мне пришёл мой Учитель – великий Ласарэн. Он смотрел на меня внимательно и требовательно. Свет от него был такой силы, что на миг я потерял сознание… Когда очнулся, сна не было. И я погрузился в медитацию, желая разгадать неожиданные знаки. Мой дорогой Иван, пришло прозрение… Нас ждут! Силы небесные проделали подготовительную работу и бескрайней пустыней из сна обозначили будущую нашу свободу. Синее небо и хищная птица, парящая в вышине – это большие испытания, которые ожидают нас на пути. Бурная река – сила, предоставленная Буддой нам в помощь. Как благословение на подвиг! Маленький дом и табун лошадей с собакой указывают на наше благополучие после скитаний… Единственное, что не могу расшифровать – символ маленькой девочки. Хотя её белый конь – как лошадь Риндген-Джапо, хранителя Шамбалы. Но почему не он сам в светлых доспехах, а девочка? Не знаешь? – развёл руками Татурсин, и, видя ответное недоумение Ивана Денисова, успокоил сам себя. – То, что неясно сейчас, откроется позже, уверен!

– Как же мы выберемся отсюда? Здесь везде охрана и стены метровые – комар не проскочит, – спросил тем же таинственным шёпотом священник.

На что лама Татурсин ответил, задумавшись:

– Да разве это проблема? Как воплотить явление малень-

кой девочки на белом коне в реальность Слова – вот, что действительно волнует, мой чудо-друг Иван Денисов.

Через несколько дней состоялся скорый на расправу суд, «подаривший» им обоим по двадцать пять лет лагерей. Татурсин сразу после приговора предупредил, что время настало, и вскоре они будут на свободе. Но как ни пытался священник узнать у монаха какие-нибудь дополнительные подробности, ничего не получалось – лама погрузился в медитативное состояние и перестал принимать пищу. Он молчал, но как ни странно, спокойствие его действовало на Ивана Денисова вдохновляюще – уверенность монгола наполняла сердце знанием Перспективы.

Глава 9

Первый день в эшелоне прошёл спокойно. Они практически не разговаривали. Иван Денисов видел, что лама напряжён, и нежелание говорить только подчеркивало его сосредоточенность. У соседей по теплушке удалось выяснить, что везут их в Забайкалье на лесозаготовки. Точный адрес был неизвестен, а караул на вопросы заключённых отвечал односложно: «Куда надо». В вагоне в основном были «политические», отправляющиеся кто на десять, кто на пятнадцать, а кто и на все двадцать пять лет, как Иван Денисов с Татурсином, помогать народному хозяйству.

Ночью лама разбудил священника. Он два раза сжал ему руку и потянул за собой. Сплошная темень вагона позволила незамеченными переползти в угол. На самое ухо монах прошептал:

– Сейчас! Здесь! – он поднял ворох соломы и показал пальцем куда-то в пугающую черноту.

Вначале Иван Денисов ничего не увидел. Потом различил небольшую дыру, из которой стук колес слышался сильнее:

– Первым я, ты за мной. И не бойся, нас Ведут!

Небольшая фигура Татурсина растворилась в проёме пола, и как ни вслушивался священник, никаких звуков снаружи уловить не мог. Приготовившись к неизбежному, он перекрестился и попытался повторить движения монаха. Осто-

рожно просунув в дыру ноги, Денисов нащупал внизу какую-то опору, затем несколькими движениями вызволил руки, после чего выскользнул и всем телом.

В первую минуту его охватил жуткий страх. Оглушительный грохот парализовывал, а мелькающее со страшной скоростью железнодорожное полотно под ним заставляло судорожно сжимать невидимую спасительную скобу. Расстаться с вагоном можно было двумя путями: или резко прыгнуть влево, в надежде проскочить между колёс, или упасть на спину на полотно. Любое из решений грозило гибелью, однако, нужно было действовать бесшумно и быстро. Любой звук мог привлечь внимание охраны, и удаляться слишком от места, где из поезда выпрыгнул монгол, нежелательно. Иван Денисов закрыл глаза, попросил прощения у Господа, у Прасковьи. Неожиданная мысль заставила его вздрогнуть: он жаждал выжить! Впервые за весь период ужаса и страха. Он улыбнулся, покачал головой, самому себе удивляясь, но уже в следующее мгновение повис на руках, медленно опустил ноги на полотно, и как только каблуки застучали по шпалам, разжал пальцы…

Очнувшись, он обнаружил, что шум над головой стих. Тем не менее, священник долгое время боялся открыть глаза, не понимая, живой ли. Затем, пошевелив плечами, постучав ногами о шпалы и подняв руки, окончательно удостоверился в своей целостности и сохранности. Только открыв глаза, Иван Денисов ощутил резкую боль в затылке – удар

о шпалы был сильным. Он перевернулся на живот и попытался подняться. Ему это удалось с трудом, мешала острая боль в районе копчика.

Переступив рельсы и встав лицом в сторону скрывшегося за поворотом эшелона, Иван Денисов заковылял влево от железнодорожного полотна. Татурсин успел предупредить, что идти надо на юг, и, если ничего не помешает, то встретятся они в течение суток. Каким образом и где – священник даже не задумывался. Самым удивительным было состояние уверенности, что произойдёт всё так, как сказал лама. Поэтому и задача была проще простой – как можно быстрее скрыться среди деревьев, тёмной лесной полосой окружавших железную дорогу.

Иван провёл детство на Смоленщине, и отец научил его чувствовать себя в лесу как дома. Ориентируясь по мху на стволах и пнях, он легко придерживался южного направления. Священник успел подкрепиться голубикой, которая вдоволь росла прямо под ногами, затем сжевал большой Белый гриб, наслаждаясь забытым вкусом и запахом. Вдруг Денисов остановился ошеломлённый: он был свободен! СВОБО-ДЕН! Он рухнул на колени и стал неистово молиться, воздавая хвалу Господу.

Впереди послышался шум автомобиля. Священник насторожился и машинально прижался к земле. Дождавшись возвращения тишины, Иван Денисов, осторожно оглядываясь, пересёк дорогу и растворился среди елей.

Рассвело, но солнца не было… Иван Денисов устал, с непривычки ныли отвыкшие от долгой ходьбы ноги. Но во что бы то ни стало, нужно было как можно дальше уйти от железной дороги. Спасение было в лесу, где легко можно было затаиться, и каждая лощинка закрывала от непрошеных глаз.

Спускаясь к неширокой речке, Иван Денисов столкнулся с лосем. От неожиданности они замерли, испуганно рассматривая друг друга – настоящий лесной красавец и бледный истощённый арестант. Хозяин лесных просторов шумно вдыхал воздух, пытаясь определить возможную опасность. Бывший тюремный заключённый, наоборот, насколько мог, затаил дыхание. Казалось, что оба были удовлетворены знакомством. По крайней мере, лось неторопливо повернул в сторону, намериваясь скрыться в ближайших зарослях. Однако, сделав несколько шагов на своих ногах-ходулях, остановился и, оглянувшись, ещё раз посмотрел на замершего Ивана Денисова, точно прощаясь. И только после этого громадное, но грациозное животное окончательно исчезло за деревьями.

«Господи! А ведь это же и есть знак! Знак Свободы! Спасибо Татурсину!» Вспомнив о друге, ему нестерпимо захотелось увидеть ставшие родными узкие глаза монгола, услышать его голос, пожать благодарно руку.

Священник перешёл вброд реку, затем некоторое время брёл по воде, сбивая след. Места были дикие: кроме прежнего шума одинокой машины, признаков человеческой дея-

тельности вокруг не наблюдалось. И Иван Денисов поймал себя на мысли, что боится людей, ждёт от встречи с ними неприятности и меньше всего рассчитывает на помощь.

«Осерчало сердце-то как твоё, родной, обуглилось как, остудилось… – бормотал он, продираясь сквозь кустарник на склоне реки. – Прости, Отец Небесный! Но как увидеть путь к Тебе без Любви, без сострадания?! Буду учиться! Знаю, милость Твоя безмерна! Поддержи, Господь! Не покинь! Не лишай Благословения!»

Заморосил грибной дождик. Солнце и дождь породили радугу, которая одним концом упёрлась в поляну недалеко от священника, а вторым – воткнулась в гору, чернеющую впереди. «Ну вот, ещё один знак!» – подумал Иван Денисов и, воодушевлённый, решительней зашагал вглубь спасительного для него леса.

Глава 10

О погоне он не думал принципиально: «Господу будет угодно – найдут». Но Иван Денисов делал со своей стороны всё возможное, чтобы не догнали. Однажды ему показалось, что где-то залаяли собаки, и ветер донёс подозрительный хлопок, похожий на выстрел. От страха тотчас сжалось сердце. Но как священник ни вслушивался, как ни напрягал слух – ничего подозрительного больше не обнаружил. Подумал, что почудилось.

Сколько прошло времени, он не знал – солнце так и не показывалось. Небо заволокло низкими тяжёлыми тучами, и вот-вот должен был пойти сильный дождь. Нужно было срочно искать укрытие. К тому же слабость взяла своё, и Иван Денисов чувствовал, что падает от усталости.

Ему повезло: буквально в нескольких шагах он обнаружил небольшое углубление в земле, со всех сторон завешенное густыми ветвями елей. Только-только он успел набросать сухих листьев на дно своего убежища и заложить вход ветками, соорудив вполне надёжное жилище, способное и от непогоды защитить и от зверей обезопасить, как небеса разверзлись, и со страшной силой загрохотал гром. В лесу мгновенно потемнело. Разряды молний один за другим сотрясали пространство над головой. Потянуло свежестью. Хлынул ливень, но в берлоге оставалось тепло и сухо. Наслаждаясь

забытыми ароматами свободы, Иван Денисов незаметно для себя задремал.

Во сне он куда-то летел, догоняя монгола Татурсина, который то взмывал высоко в небо, то отвесно нырял вниз. Священник волновался. Он знал, что лететь им долго и надо сохранять силы. Лама его не слушал, продолжая выполнять сумасшедшие, бессмысленные, на взгляд отца Михаила, пируэты. Потом вдруг Иван Денисов увидел Прасковью, которая летела рядом. Они нежно рассматривали друг друга, и блаженство переполняло сердце. Тотальное единство вдохновляло. Вдруг монах спросил: «Кто это?» Иван Денисов ответил, что жена. «А почему она здесь?» – поинтересовался Татурсин. «Потому что я люблю её», – кротко отвечал священник, наслаждаясь близостью любимой. «Но она нам будет мешать в дороге», – упрямо твердил монгол. «Что ты, что ты, друг! Как может мешать Любимая?! Любовь и спасёт и вдохновит, вот увидишь!» Во сне Татурсин сердился и говорил, что ему плохо, а священник отвлекается вместо того, чтобы помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.